

А. Д. Галахов

**История русской словесности,
древней и новой**

Том 1. Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Д. Галахов**
История русской словесности, древней и новой: Том 1. Часть 2 / А. Д. Галахов –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 336 с.

ISBN 978-5-4241-7898-6

ISBN 978-5-4241-7898-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

І. ЭПОХА ПЕТРА І.

---

§ 1. Восьмнадцатый вѣкъ открывается реформой государственнаго устройства, по мысли и волѣ Петра. Первая его четверть, называемая «эпохою преобразованія», имѣетъ смыслъ не всецѣлаго, кореннаго разрыва между старымъ и новымъ, а только ускореннаго перехода Россіи отъ ея особнаго существованія къ непосредственному общенію съ Европой. Она есть начальный моментъ того періода въ историческомъ развитіи, который долженъ завершиться органическимъ союзомъ собственныхъ силъ народа съ достояніемъ другихъ народовъ и такимъ образомъ національные элементы жизни возвести на степень общечеловѣческихъ.

Главнымъ предметомъ и орудіемъ реформы служило образованіе, въ которомъ различаются двѣ стихіи: прежняя, или средневѣковая, и новоевропейская. Первая господствовала преимущественно въ Кіевѣ, поддѣрживаясь польскимъ вліяніемъ; вторая была результатомъ прямыхъ сношеній съ Европою, завязанныхъ Петромъ. Оба направленія существовали одновременно, не исключая себя взаимно и тѣмъ обнаруживая историческую связь предъидущей эпохи съ эпохою преобразованія. Петръ І завелъ свѣтскія школы; но и послѣ ихъ учрежденія духовныя училища дѣйствовали на основаніи прежнихъ уставовъ. Академія въ Москвѣ даже была преобразована по примѣру кіевской. Изъ среды юговаладныхъ ученыхъ, образовавшихся до реформы, Петръ выбиралъ себѣ сотрудниковъ. Учебныя руководства относятся къ двумъ разрядамъ: одни написаны по тѣмъ предметамъ, которые не были преподаваемы до реформы; другія сохраняли прежнее назначеніе, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и подверглись въ своемъ составѣ ея дѣйствию, такъ что иное оставлено въ нихъ неизмѣннымъ, а иное приурочено къ новымъ потребностямъ. Виѣ учебной литературы тоже явленіе: рядомъ съ переводами и сочиненіями, вызванными реформой, продолжались перепечатка старыхъ и изданіе новыхъ книгъ, которыя отвѣчали характеру прежняго образованія и нуждамъ прежняго

чтенія. Поэтому, говоря объ успѣхахъ образованія при Петрѣ, было бы противно истинѣ видѣть въ нихъ нѣчто такое, что лишено всякихъ связей съ прежнею, до-петровскою Россією, или что порвало ихъ окончательно и насильственно.

Главнѣйшимъ орудіемъ реформы служило образованіе, а изъ образовательныхъ мѣръ первое мѣсто занимало заведеніе школъ. Такъ какъ разные роды службы требовали людей, специально знающихъ свое дѣло, то первыя училища были спеціальныя. По обстоятельствамъ времени, царь обращалъ особое вниманіе на образованіе военнаго сословія. Заботясь о флотѣ, онъ основалъ въ Москвѣ школы Математическую и Навигацкую (навигационную), а въ Петербургѣ Морскую Академію. Въ Навигацкой школѣ первыми преподавателями были англичане. Трудъ одного изъ нихъ (Фарварсона) «Эвклидовы элементы, выбранные изъ двѣнадцати Невтоновыхъ книгъ», переведенъ на русскій языкъ (1739). Въ помощники къ иностраннымъ преподавателямъ былъ опредѣленъ Леонтій Магницкій, авторъ «Арифметики, или науки числительной (1703)», составленной по разнымъ источникамъ, иностраннымъ и «старопреводнымъ славянскимъ». За тѣмъ явились школы инженерная и артиллерійская. Въ школѣ при московскомъ госпиталѣ, молодые люди, знающіе латинскій языкъ, обучались медицинѣ (анатоміи и хирургіи). По указу 1814 г. опредѣлено послать во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ школъ математическихъ, для обученія дворянскихъ дѣтей цифири и геометріи, причемъ положенъ таковой штрафъ: не позволять жениться до тѣхъ поръ, пока не выучатся этимъ предметамъ. Въ 1721 г. было предписано учредить школы, въ которыхъ дѣти приказныхъ людей могли бы пріобрѣтать познанія, нужныя хорошему подьячему; дѣти же дворянскихъ фамилій обучались «экономіи и гражданству» въ особыхъ школахъ, устроенныхъ при коллегіяхъ. Указы 1708 и 1723 г.г. имѣютъ предметомъ образованіе блага духовенства: первымъ повелѣно дѣтямъ священниковъ и дьяконовъ учиться въ школахъ греческихъ и латинскихъ, а которые не захотятъ того, тѣхъ въ попы и дьяконы не посвящать, въ подьячіе и никуда не принимать кромѣ служлага чина; второй указъ поставилъ ученіе обязательнымъ для дѣтей священно-и-церковнослужителей. Кромѣ того еще въ 1714 г. велѣно было дьячихъ, подьяческихъ, поповыхъ и прочаго церковнаго чина, архіерейскаго дома и монастырскихъ слугъ дѣтей, кромѣ дворянскихъ, отъ 10 лѣтъ до 15 учить цифири и геометріи (въ школахъ цифирныхъ).

Начавъ устройство народной образованности заведеніемъ спеціальныхъ школъ, Петръ I кончилъ его учрежденіемъ Академіи

наукъ, открытой послѣ его смерти, при Екатеринѣ I (29 января 1726 г.). По особенному состоянію и нуждамъ Россіи, на Академію возложена была тройная обязанность, которую въ другихъ государствахъ несли три различныхъ учрежденія, ибо, какъ сказано въ указѣ 28 января 1724 г., слѣдуетъ «учинить такое зданіе, чрезъ которое не токмо распространилась бы слава государства для размноженія наукъ, но и обученіемъ оныхъ была бы польза въ народѣ». Поэтому Академія заключала въ себѣ «собственно академію», члены которой обязаны были производить открытія и усовершенствованія въ наукахъ; «университетъ», для публичнаго обученія молодыхъ людей наукамъ; наконецъ «гимназію», гдѣ преподавались начальныя основанія наукъ для подготовки учащихся къ слушанію университетскихъ лекцій или къ учительскому званію. Такимъ образомъ, будучи высшей ученой корпораціей, Академія въ тоже время была и высшимъ учебнымъ заведеніемъ, и педагогическимъ институтомъ, и гимназіей.

Для знакомства съ спеціальными предметами знанія издаваемы были особыя книги. Это—большою частію переводныя руководства къ навигациі, артиллеріи, фортификаціи и кораблестроенію; наприм.: «Книга морскаго плаванія, Деграфа» (1701), «Основаніе и практика артиллеріи, Брауна» (1709), «Новое крѣпостное строеніе, Кугорна» (1709), «Воинскія правила, како непріятельскія крѣпости силою брата, барона Боргсдорфа» (1709), «Архитектура воинская, Штурма» (1709), «Новое голландское корабельное строеніе, Аларда» (1709), «Географія или краткое земнаго круга описаніе» (1710), «Новая манера укрѣпленія городовъ, Блонделя» (1711), «Истинный способъ укрѣпленія городовъ, Вобана» (1724), и др. Вообще книги, изданія по повелѣнію Петра, образуютъ особый научно-литературный отдѣлъ, замѣчательный по своей цѣлесообразности преобразовательнымъ планамъ, имѣвшимъ цѣлью съ одной стороны снабдить школы учебными пособиями, а съ другой—распространить полезныя свѣдѣнія между любознательными людьми, не знавшими иностранныхъ языковъ. Еще въ 1700 году, въ пребываніе свое въ Голландіи, Петръ далъ привилегію Тессингу на заведеніе русской типографіи. Помощникъ Тессинга, занимавшійся потомъ самостоятельно типографскимъ дѣломъ, Илья Копіевскій, или Копіевичъ, издалъ много переводовъ и учебниковъ, между прочимъ «Руководеніе въ Грамматику» (1706). Въ 1707 г. онъ прибылъ изъ Амстердама въ Россію и привезъ съ собою три азбуки новозобрѣтенныхъ русскихъ литеръ. Первою книгою, напечатанною этимъ шрифтомъ, была «Геометрія, славенскія Землемѣріе (1708)», а второю—«Приклады, како пишутся ком-

плементы (1708)», т. е. образцы писемъ поздравительныхъ, соборно-благодарительныхъ и другихъ, переведенные съ нѣмецкаго и положившіе начало новому эпистолярному стилю, по обычаю образованныхъ, или, какъ тогда выражались, «политичныхъ» народовъ. Далѣе слѣдовали: «Исторія о разореніи града Трои (1709)», «Квинта Курція о дѣлахъ Александра Великаго (1709)», «Краткое описаніе о войнахъ, изъ книгъ Юлія Цезаря (1711)», «Апоегмата, т. е. краткихъ, витіеватыхъ и правоучительныхъ рѣчей книги три (1712)», «Разговоры Эразма (1716)», «Юности честное зеркало или показаніе къ житейскому обхожденію (1717)», содержащее въ себѣ наставленія юношамъ, какъ они должны вести себя въ обществѣ и дома.—Видя, что сочиненія для первоначальнаго обученія писались «славянскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчимъ», отчего и оставались непонятными для дѣтей, Петръ I повелѣлъ издать для народнаго употребленія книгу, которая содержала бы въ себѣ, кромѣ буквъ и слоговъ, толкованіе закона Божія, символа вѣры, молитвы Господней и десяти блаженствъ евангельскихъ. Это повелѣніе исполнилъ Теофанъ Прокоповичъ, составившій «Первое учение отрокомъ (1720)»: книга эта была введена во всеобщее употребленіе при обученіи не только духовныхъ, но и мірянъ. Любя бесѣдовать съ учеными людьми, Петръ I захотѣлъ узнать, откуда язычники ведутъ начало своего многобожія и есть ли о томъ какое сочиненіе. Ему указали на «Аполлidora, грамматика аеинейскаго или о богахъ», и онъ повелѣлъ перевести эту книгу на русскій языкъ и напечатать. Изданіе ея (1725) обставлено приложениями, нужными для уразумѣнія автора (указатель собственныхъ греческихъ именъ, съ обозначеніемъ употребленія ихъ на русскомъ языкѣ; экстрактъ изъ книги «сумнѣнныхъ» рѣчей); предисловіе написано Теофаномъ, а за предисловіемъ слѣдуетъ предъувѣщаніе отъ переводчика Алексѣя Барсова. Важнѣйшія европейскія произведенія, изъ которыхъ одни, на основаніи началъ, добытыхъ развитіемъ науки и политико-общественнымъ ходомъ жизни, полагали основы реформамъ и въ жизни и въ наукѣ, а другія сообщали свѣдѣнія о политическомъ устройствѣ государствъ, ихъ законахъ, исторіи и настоящемъ состояніи, также перешли къ намъ въ переводахъ, частью изданныхъ, частью оставшихся въ рукописяхъ. Таковы: Пуффендорфа «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ (1718)»; его же «О должностяхъ человѣка и гражданина»: обѣ книги переведены Гаврииломъ Бужинскимъ, но переводъ второй, начатый при Петрѣ, конченъ послѣ его смерти и напечатанъ въ 1726 г. Далѣе: «О законахъ брани и мира», Гуго Гроція; «Увѣщанія и привлады политическіе», Юста Липсіа; «Дельги и гу-

печество», разсужденіе Ло (Law); «О правахъ французскихъ»; «Историческій и Географическій Словарь», Морери; «Исторія о настоящемъ управленіи Турецкой Имперіи», и многія другія. Царь не ограничивался заказами той или другой работы, но дѣятельно слѣдилъ за трудившимися, давалъ имъ совѣты, часто просматривалъ и исправлялъ ими сдѣланное. Сознвая самостоятельную важность науки, независимо отъ примѣненія ея къ жизни, онъ однакожь, будучи занятъ преобразованиемъ, цѣнилъ преимущественно, на первыхъ порахъ, ея служебное отношеніе въ государственнымъ дѣламъ. Онъ ясно различалъ какъ сущность знанія отъ «премѣнныхъ вещей» въ немъ, такъ и прямое содержаніе книги—то, что служитъ къ наученію—отъ лишнихъ ея разглагольствій. Въ одной запискѣ его синоду о церковныхъ поученіяхъ требуется единственно изяснять «прямой путь», чтобы люди знали, въ какой именно силѣ принимать пункты христіанскаго ученія. Съ понятіемъ о существенномъ въ знаніи Петръ связывалъ понятіе о простотѣ, браткости и внятности изложенія. Ему были противны искусственные приемы схоластики и многоглаголаніе, вводимое для расширенія книги. Въ словесномъ выраженіи не допускалъ онъ «праздной брасоты», а если и разрѣшалась «сладость рѣчи», то лишь подъ условіемъ, чтобы она облегчала достиженіе прямой цѣли, т. е. уразумѣнія существеннаго содержанія. Просторѣчіе предпочиталось высокому славянскому діалекту. Языкъ самого Петра отличался сжатостью и точностью, которымъ дивился Ломоносовъ въ похвальномъ ему словѣ. Тѣхъ же качествъ Петръ требовалъ отъ авторовъ и переводчиковъ. Замѣтивъ въ переводѣ вышеупомянутаго сочиненія Блонделя: «Новая манира укрѣпленію городовъ» нѣкоторую темноту и непонятность, онъ писалъ переводчику, Конону Зотову: «не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ (*т. е. переводитъ слово въ слово, буквально*), но точію, сіе (*содержаніе*) выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть» (1).

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ школъ и печатаніемъ книгъ Петръ позаботился о сообщеніи русскимъ людямъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ ихъ отечествѣ и за границей. До него иностранныя извѣстія передавались «курантами», т. е. рукописными извлеченіями изъ посольскихъ донесеній и переводами нѣкоторыхъ статей изъ иностранныхъ газетъ, преимущественно голландскихъ. Тѣмъ и другимъ завѣдывали переводчики посольскаго приказа, откуда ку-

---

1) Пезарскаго: Литература и наука въ Россіи при Петрѣ Великомъ, 2 т. (1862).

ранты поступали къ царю и самымъ главнымъ саповникамъ, оставаясь для публики неизвѣстными. Въ бытность за границею, Петръ видѣлъ, какимъ важнымъ значеніемъ, политическимъ и нравственнымъ, пользуется тамъ періодическая пресса: и потому изъ государственной тайны, какою были куранты, задумалъ обратить ихъ въ правительственный органъ, предавать гласности важѣйшія свѣдѣнія о западной Европѣ и своемъ государствѣ. Онъ основалъ «Русскія Вѣдомости», первый листъ которыхъ вышелъ 2 января 1703 г. Свѣдѣнія касательно Россіи шли впереди извѣстій иностранныхъ. Государь самъ отиѣчалъ статьи въ газетахъ для перевода; даже самъ правилъ корректуру перваго листа вѣдомостей, которая и хранится въ Московской синодальной типографіи (1).

Выше сказано о новозобрѣтенной русской гражданской азбулкѣ, которая называлась также амстердамскою, по мѣсту отлитія шрифта. Въ основу ея былъ принятъ употребляемый въ Европѣ алфавитъ латинскій. Съ 1708-го года, когда первые двѣ книги были напечатаны этимъ шрифтомъ: «Геометрія» и «Приклады», она, съ теченіемъ времени, нѣсколько измѣнялась. Въ 1709 г. русскіе наборщики подали челобитную, въ которой просили за наборъ гражданскимъ шрифтомъ платить, какъ за наборъ шрифтомъ славянскимъ, потому что первый выходилъ убогистѣе. Въ 1710 г. они представили Петру I экземпляръ Азбуки съ изображеніемъ древнихъ и новыхъ письменъ славянскихъ, печатныхъ и рукописныхъ. Государь перечеркнулъ въ азбулкѣ какъ заглавныя, такъ и прописныя славянскія буквы, болѣе фигурныя и потому трудныя для начертанія, и оставилъ только буквы шрифта гражданского, надписавъ на внутренней сторонѣ переплета слѣдующее: «сими литеры печатать историческія и мануфактурныя книги, а которыя подчеркнены, тѣхъ въ вышеписанныхъ книгахъ не употреблять (2).

Наконецъ Петръ I возстановилъ театр, устроенный его отцемъ и упраздненный при его братѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ. Сценическія представленія изъ царскаго дворца (Верха) были перенесены на Красную площадь въ особо устроенный «комидійный домъ» и сдѣлались доступны для всякаго чина людей. Въ 1702 г. пріѣхалъ въ Москву изъ Данцига Іоаннъ Кунштъ съ своею труппой стран-

1) Вѣдомости начаты съ января 1703 г. и кончены декабремъ того же г. Изданіе состоитъ изъ 39 №№, выходившихъ въ неопредѣленные сроки и различающихся объемомъ. Печатались въ числѣ 1000 экз. Полныхъ экземпляровъ сохранилось только два—въ И. П. Библиотекѣ, которая издала ихъ въ 1856 и посвятила Московскому университету, въ столѣтній юбилей его существованія.

2) Азбука съ исправленіями Императора Петра Великаго и указомъ его о введеніи въ употребленіе гражданского шрифта. Сиб. 1877.

ствующихъ актеровъ. Условіемъ пьесъ поставленъ былъ русскій языкъ, почему взяты въ посольскій приказъ для ученія комедійныхъ дѣйствъ подъячіе разныхъ приказовъ. Репертуаръ Кунштовой труппы составляли пьесы, служившія дальнѣйшимъ развитіемъ англійскихъ комедій, т. е. изображавшія важныя и государственныя дѣйствія (Haupt-und-Staatsactionen), но осложненныя новыми элементами подъ влияніемъ оперы и балета. Дѣйствующими лицами въ этихъ пьесахъ выступали герои, пари, великіе завоеватели, тираны, знаменитые разбойники. Главнымъ же героемъ оставался шутъ: Пикельгерингъ англійскихъ комедій, Гансвурстъ нѣмецкихъ. Въ списокъ пьесъ, переведенныхъ для московской комедіальной хранины и хранившихся въ посольскомъ приказѣ, значатся слѣдующія: «О Александрѣ Македонскомъ»; «О графинѣ тріерской Геновевѣ»; «О честномъ измѣнникѣ»; «О Франталпѣ, королѣ эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его»; «Тюрьмовый заключникъ, или принцъ Пикельгерингъ»; «Сципіи Африканскій»; «Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Цесарь»; «Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ»; «О Баяетѣ и Тамерланѣ»; «О докторѣ битомъ (докторъ принужденный)». Петръ I не былъ, однакожъ, удовлетворенъ труппою Куншта. Ему хотѣлось видѣть на сценѣ «тріумфальныя» комедіи, т. е. представленіе своихъ побѣдъ. Театръ долженъ былъ служить ему тѣмъ, чѣмъ была для него проповѣдь Θεофана Прокоповича: онъ долженъ былъ разъяснять народу смыслъ дѣяній преобразователя (1).

Торжества по случаю побѣдъ, прославленіе Петра и его сподвижниковъ, привѣтствія начальникамъ и разные другіе случаи дѣйствительно вызвали панегирики и хвалебныя вирши. Такъ по взятіи Азова думный дьякъ Андрей Виніусъ произносилъ поздравительныя стихи Лефорту и Шенну. Главное участіе въ сочиненіяхъ этого рода по поводу тріумфовъ принимала Славяно-греко-латинская академія: учителя описывали празднества и объясняли значеніе аллегорическихъ картинъ. Сюда принадлежитъ «Преславное торжество свободителя Ливоніи (1704)», составленное префектомъ Іосифомъ Туробойскимъ и учителями, съ предисловіемъ, въ которомъ говорится, почему сюжетъ для украшенія вратъ заимствованъ не отъ божественныхъ писаній, а отъ мірскихъ исторій или отъ стихотворцевъ, при чемъ показывается что такое аллегорія. Въ 1709 г. по случаю полтавской битвы, или «преславной вѣкторіи надъ химероподобными дѣвами—гордынею, неправдою и хищеніемъ свейскимъ», Московская академія праздновала «По-

---

1) Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра, Н. Тихонравова.

литиколюбную Апофеозисъ (т. е. прославление) великороссійскаго Геркулеса, Петра I: посвященіе подписано тѣмъ же Туробойскимъ со всею эллино-славено-латинскою академіею. Въ изображеніяхъ аллегорическихъ авторъ воспользовался гербомъ Швеціи (левъ) и Станислава Лещинскаго (голова буйвола): «написахомъ льва, буйвола и змѣя, въ едино ярмо впряженныхъ и землю пашущихъ, на ней же финиковыя вѣтви и вѣнцы побѣдительныя возрастають, яже геніуши (геніи) собирають на щитахъ, именемъ и гербомъ его царскаго величества уграшенныхъ; написахомъ же слова Овидіевы: *sic vos non vobis*—такъ вы не себѣ (пашете). Это знаменуетъ свѣтскую коллигацію (союзъ) съ Лещинскимъ и съ измѣнниками подъ побѣдительное иго его царскаго величества впряженныхъ, отъ ихъ же побѣжденія торжественная слава его царскаго величества возстаетъ и неуваждающая пребудеть». Въ честь Меншикова написана Ивановъ Кременецкимъ, обучавшимся въ Московскои духовной академіи: «Лавреа или Вѣнецъ безсмертнаго славы (1714)». Въ посвященіи Меншиковъ сравнивается съ солнцемъ и блескъ его славы ставится превыше сіянія драгоценныхъ каменьевъ; панегирикъ заключается риторическимъ возгласомъ: «Тя Эвксинъ, тя Понтъ славить, тя величаютъ царская милость, ты философійская уставленія достойна почтоша, ты изряднѣе красноглазыхъ любомудрственныхъ витійствъ языка ублажиша, а въ воздаяніе вѣчныя памяти славу твою написаша». Въ 1717 г., по возвращеніи Петра изъ поѣздки за границу, напечатаны привѣтствія ему и Екатеринѣ I отъ служителей типографіи: первое прославляетъ подвиги царя на пользу Россіи; второе состоитъ изъ похвалъ царцѣ за то, что она обазала мужество въ затруднительномъ положеніи русской арміи при Прутѣ и сопровождала своего супруга въ путешествіяхъ его по иностраннымъ государствамъ. Торжественныя въѣзды Петра въ Москву по заключеніи Ништатскаго мира (1721) и по возвращеніи изъ персидскаго похода (1722) были воспѣты Московскою академіею въ двухъ пѣсняхъ.

Кромѣ книгъ, оригинальныхъ и переводныхъ, издававшихся въ Россіи и для русскаго народа, издавались книги также за границею, для иностранцевъ. Въ 1705 г. Петръ отправилъ въ Германію Гюйсена, учителя царевича Алексѣя, съ порученіемъ напечатать опроверженіе брошюры Нейгебауера, которое и вышло на нѣмецкомъ языкѣ (1706) подъ заглавіемъ: «Пространное обличеніе преступнаго и клеветами наполненнаго пасквиля: Искреннее письмо знатнаго нѣмецкаго офицера». Обращая вниманіе на то, что пишется въ Европѣ о его дѣлахъ, Петръ не хотѣлъ оставлять безъ

отвѣта какихъ-либо невѣрныхъ мнѣній, умышленно искажающихъ правду или смотрящихъ на событія не съ надлежащей точки зрѣнія. Тагъ сочиненіе одного шведа (Краткое изложеніе войны между Швеціей и Россіей) заставило Петра поручить вице-канцлеру барону Шафирову опровергнуть превратные толки иностранца: это опроверженіе и составляетъ предметъ историко-политическаго «Разсужденія о причинахъ войны съ Карломъ XII (1717)». Въ немъ три части: первая разсматриваетъ причины, заставившія Петра начать войну съ Карломъ XII; вторая слагаетъ на шведскаго короля отвѣтственность за продолженіе войны; третья доказываетъ, что со стороны Россіи война была ведена съ умѣренностью, по обычаю просвѣщенныхъ народовъ. Заключеніе содержитъ въ себѣ отвѣтъ на толки о томъ, не лучше ли бы было вмѣсто долговременной и тягостной войны заключить миръ, хотя бы и съ уступкою. Нѣкоторыя мѣста этого отвѣта написаны самимъ Петромъ, а заключеніе (отъ словъ: «такъ, любезный читателю») все принадлежитъ его перу. «Разсужденіе» замѣчательно, какъ первый опытъ русской публицистики, дающей отвѣтъ на современные толки иностранной печати о честолюбивыхъ замыслахъ Россіи.

Путешествія, совершенныя при Петрѣ, принадлежать также къ новымъ явленіямъ книжнаго дѣла. Отъ древнерусскихъ хожденій онѣ отличаются особою цѣлью: тогда русскіе люди отправлялись за границу преимущественно для поклоненія святымъ мѣстамъ; начиная съ Петра, они ѣздить въ чужія земли для знакомства съ Европою. Вниманіе путешественниковъ останавливалось главнѣйше на томъ, чѣмъ европейское отличалось отъ отечественнаго. Рѣзкія отличія и были для нихъ тѣми достопримѣчательностями, которыя они считали обязанностію занести въ свой дневникъ, напоминающій нѣкоторыми чертами разсказъ стариннаго паломника или оффиціальныи докладъ статейнаго списка, а съ другой стороны представляющій новое не только въ содержаніи, но и во взглядѣ на иновѣрцевъ.

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ ѣздилъ за границу, по собственной охотѣ, для наблюденій надъ военнымъ искусствомъ. Петру Великому былъ приятенъ добровольный вызовъ приближеннаго къ нему лица на такое дѣло, которое согласовалось съ его видами: онъ снабдилъ Шереметева грамотами къ разнымъ дворамъ, гдѣ почетно встрѣчали русскаго путешественника, пріобрѣтшаго извѣстность своими воинскими подвигами. Путешествіе продолжалось около двухъ лѣтъ (1697—99). Въ это время Шереметевъ посѣтилъ Краковъ, Вѣну, Венецію, Римъ, Неаполь, Мальту. Путевыя записки его сухи и безцвѣтны, заключаая въ себѣ по

объшой части простой перечень мѣстъ и лицъ, имъ видѣнныхъ. Въ нихъ разсказаны: представленіе Шереметева польскому королю Августу, австрійскому императору Леопольду, папѣ, флорентинскому герцогу, пребываніе въ Венеціи, гдѣ онъ встрѣтилъ многихъ Русскихъ, посланныхъ туда для науки, и между ними двухъ своихъ братьевъ, и на островѣ Мальтѣ, гдѣ онъ былъ радушно принятъ мальтійскими гавалерами и посвященъ ими въ санъ рыцаря, поклоненіе въ городѣ Барѣ мощамъ св. Николая чудотворца, посѣщеніе іезуитской коллегіи въ Неаполѣ и проч.

Въ одно время съ Шереметевымъ ѣздилъ за границу графъ Петръ Андреевичъ Толстой для изученія морскаго дѣла. Дневникъ его путешествія по Италіи, на островѣ Мальтѣ и въ Венеціи описываетъ предметы, преимущественно съ внѣшней ихъ стороны, причемъ главное вниманіе останавливаетъ на монастыряхъ, церквахъ, святыхъ всякаго рода, вѣроповѣданіи жителей и порядкѣ ихъ богослуженія. Говоря о чужеземныхъ нравахъ и обычаяхъ, Толстой больше всего отмѣчаетъ тѣ изъ нихъ, которыми иностранцы отличаются отъ его соотечественниковъ. Такъ въ Варшавѣ онъ записалъ, что жены и дочери польскихъ сенаторовъ не ставятъ себѣ въ зазоръ ѣздить по городу въ каретахъ, что жены и дочери богатыхъ горожанъ также не считаютъ безчестьемъ сидѣть въ лавкахъ за всякими товарами. Венеціане поразили Толстова своею трезвостью, своими «невозбранными» публичными увеселеніями, вольнымъ и покойнымъ житьемъ, безъ страха, обиды и тягостныхъ податей. Онъ присутствовалъ въ неаполитанскомъ судѣ, гдѣ судились два челоѣка: «подъячій записывалъ ихъ слова, подобно тому какъ и на Москвѣ»; но вотъ что для москвича было удивительно: судящіеся «говорили чинно, съ великою учтивостію, а не крикомъ».

Гр. Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ описалъ свою поѣздку (1705) изъ Гаги въ Парижъ, для заключенія торговаго договора съ Франціей. Въ путевомъ дневникѣ его отмѣчены, между прочимъ, ясно проведенное разграниченіе королевской державы отъ должностей вельможъ, невѣжательство послѣднихъ въ дѣла народныя, смертный законъ о взяткахъ съ народа, общественное значеніе женщинъ и обхожденіе ихъ съ мужчинами, общее безъ изыятія воспитаніе юности, гуманное обращеніе учителей и родителей съ дѣтьми (1).

---

¹) Пенарскаго: «Поѣздка гр. А. А. Матвѣева въ Парижъ» (Соврем. 1856, № 6). Путешествіе гр. Б. П. Шереметева издано именемъ его Петромъ Борисовичемъ (1773). Рукопись путешествія гр. П. А. Толстаго хранится въ библиотекѣ